

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

No. 1 (1) 2020

www.isca.kz

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 1 (1) 2020

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia

Owner: International Science Complex Astana
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

EDITOR'S COLUMN M.

Y. Shaikhutdinov PROSPECTS OF KAZAKHSTAN'S MEDIEVAL STUDIES: TO THE PROBLEM STATEMENT.....	4
--	---

ETHNOGENESIS. ARCHEOLOGY. LINGUISTICS

N. I. Egorov ACTUAL PROBLEMS OF TURKIC PALEOHISTORY: PROTO-LANGUAGE, PROTO-ETHNOS, AND ANCESTRAL HOMELAND PART ONE	18
Aleksandar Uzelac NOTES ON THE CAPTURE OF WILLIAM BUCHIER BY THE MONGOLS in HUNGARY	27
Ya. V. Pylypchuk SABIRS AND PROTO-HUNGARIANS: IS IT POSSIBLE IDENTIFICATION?	35

HISTORY OF JUICHI ULUS M.T.

Laumulin THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN ORIENTALISM: A BRIEF OUTLINE.....	50
Zh. M. Sabitov KAZAKHSTAN HISTORIOGRAPHY OF STUDYING THE HISTORY OF JUCHI ULUS	74
A.V. Parunin SHIBANIDES AND TUKA-TIMURIDES IN THE MIDDLE OF THE 15TH CENTURY: ABU-L-HAIR-KHAN WAR WITH MAHMOUD AND AHMAD.....	84
A. A. Porsin ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"	95
Yu. V. Seleznev PRINCE KOTYAN AND EPIC MEMORY ABOUT HIM.....	112
Yu. S. Khudyakov THE ROLE OF ANCIENT TURKS IN THE DEVELOPMENT OF MILITARY AFFAIRS OF MEDIEVAL CENTRAL ASIAN NOMADS.....	120
L. A. Bobrov, A. K. Kushkumbayev THE SABER OF THE MONGOL TIME FROM AKMOLA REGIONAL HISTORICAL AND LOCAL MUSEUM.....	122
Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko BONE ARROWS' TIPS FROM EXCAVATIONS AT THE BURIAL GROUND ULUG-CHOLTUH.....	133

АНТИДЖУЧИДСКИЕ МОТИВЫ В "ТАЙНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ"

Порсин А.А.

Россия, город Магнитогорск.

Аннотация: в статье рассматриваются два сюжета, содержащиеся в "Тайной истории монголов" и касающиеся Джучи и его сына и наследника Бату. Во-первых, речь идет о семейном совете перед началом монголо-хорезмийской войны, на котором произошел конфликт между Джучи и Чагатаем, после чего наследником Чингиз-хана был объявлен Угедей. Во-вторых, рассматривается сюжет о ссоре между Бату с одной стороны, и Гуюком, Бури и Харкасуном с другой, возникшей на пиру после захвата Руси, кыпчаков и столицы кавказских алан Магаса, после которой Гуюк был отправлен к Угедею и получил от отца унижительный выговор. Автор статьи приходит к выводу о том, что оба сюжета были сконструированы автором или редактором источника с определенными политическими мотивами, и при этом использовалась сходная методика. Он брал действительно произошедший и известный среди монгольской элиты конфликт, и помещал его в нужный социальный, политический и хронологический контекст, демонстрируя тем самым неспособность ни одной из чингизидских ветвей, кроме Тулуидов, эффективно управлять империей.

Ключевые слова: Тайная история монголов, Джучи, Бату, Чагатай, Бури, Гуюк, конфликт.

Введение. Одной из ключевых проблем в изучении "Тайной истории монголов"⁴ является неопределенность в вопросе о том, когда конкретно был создан этот памятник. Также неясно, было ли его создание более или менее одномоментным актом, или же формирование единого текста проходило в несколько этапов и растянулось на десятилетия. Единственным прямым хронологическим маркером является указание на то, что работа была составлена во время созыва Великого собрания в год Крысы [Rachewiltz, 2015, p. 206]. Исходя из содержания текста, подходящими годами Крысы могут быть 1228, 1240, 1252 и 1264 год. Вокруг них обычно и строится обсуждение вопроса.

Ряд исследователей считает, что Великое собрание года Крысы произошло в 1228 году, и именно на нем был избран кааном Угедей. Таким образом, дата в тексте относится только к описанию жизни и деятельности Чингиз-хана, а описание событий правления Угедея было добавлено позднее [Rachewiltz, 1965, p. 185-206; Ratchnevsky, 1993, p. 91-92]. Но, так как текст все таки содержит описание правления каана Угедея, некоторые ученые полагают, что он был составлен в самом конце его правления в 1240 году [Pelliot, 1940-1941, p. 1-2; Козин, 1941, с. 17-19]. Впервые Р. Груссе предположил, что текст памятника мог быть написан в правление каана Менгу [Grousset, 1941, p. 22]. Эту точку зрения развил К. Этвуд в своей статье, где он системно изложил все аргументы, доказывающие написание основной части текста ТИМ в 50-е годы XIII века [Atwood, 2007, p. 1-48]. У. Хунг предложил одну из наиболее поздних дат - 1264 год [Hung, 1951, p. 489-490]. Наиболее радикальную версию предложил Окада Хидехиро, с точки зрения которого, ТИМ является историческим романом, написанным в 1324 году [Okada, 1972, p. 61-67; 1989, p. 284-292].

Обсуждение. В этой работе я не буду высказывать конкретную позицию по вопросу датировки текста. Основной целью статьи является рассмотрение двух сюжетов ТИМ,

⁴ Далее ТИМ.

которые, на мой взгляд, являются результатом прямого и сознательного конструирования исторического повествования ее автором или одним из редакторов. То, что в тексте ТИМ встречается достаточно много анахронизмов, которые не позволяют однозначно датировать памятник ранним периодом, известно давно. Наиболее явным из них является сообщение об отправке Угедеем Есудера Корчи в Корею [Rachewiltz, 2015, p. 194]. Перевод туда Есудера и замена им на посту командующего Джалаиртая Корчи произошли в 1258 году при Мунке [Ledyard, 1964, p. 1-22; Henthorn, 1963, 137, 150–51]. Наиболее полно проблема анахронизмов в ТИМ была исследована К. Этвудом, который справедливо отметил, что некоторое из них не включены в структуру повествования и могли возникнуть при последующей редакции текста. Но другие анахронизмы включены в текст очень глубоко, и их возникновение нельзя объяснить случайностью [Atwood, 2007, p. 7]. Сами анахронизмы хорошо известны, и я построюсь рассмотреть один из возможных механизмов их появления.

Речь идет о двух сюжетах, сложный исторический характер которых был отмечен исследователями уже давно. Во-первых, это сюжет о назначении Угедеем наследником престола, перед началом монголо-хорезмийской войны, содержащийся в параграфах 54 и 55. Общая структура повествования такова:

1. Происходит убийство монгольских послов в Хорезме и Чингиз-хан решает отправиться туда войной;
2. Его жена Есуй-хатун напоминает о возможности его смерти и о необходимости назначения наследника;
3. Чингиз-хан предлагает высказаться Джучи, после чего происходит крайне жесткий конфликт между ним и Чагатаем. Чагатай называет Джучи "ублюдочным потомком Меркита", чем бросает тень не только на происхождение брата, но и на честь своей матери, заявляя об ее изнасиловании. Схватившихся братьев разнимают Боорчу и Мухали, а Коко-Цос произносит гневную речь в защиту Борте (254);
4. Чингиз-хан пресекает спор, резко выговаривает Чагатаю, который предлагает кандидатуру Угедеем. Чингиз-хан назначает наследником Угедеем, указывая, что если его потомки будут неспособны править, то власть должна перейти к потомкам других его сыновей (255);

Все описание монголо-хорезмийской войны в ТИМ изобилует анахронизмами и неточностями. Однако именно описание семейного совета, основным вопросом на котором был вопрос наследования, считается полностью сконструированным. И. де Рахевильц отметил, что само описание почти наверняка является более поздней интерполяцией, отражающей взгляды той части монгольской элиты, которая выступала против претензий потомков Джучи и Чагатая на власть [Rachewiltz, 2004, p. 923, 937]. Прежде всего сомнения вызывает историчность зафиксированного "завещания Чингиз-хана" о том, что в случае недееспособности или некомпетентности потомков Угедеем власть должна перейти к представителям другой ветви Чингизидов. В тексте Рашид ад-Дина приводится совершенно иной вариант формулы, использованной в ТИМ. Она была высказана во время полемики о престолонаследии после смерти Гуюка как аргумент в пользу притязаний на власть потомков Угедеем. И хотя в приведенном варианте используется тот же символический ряд, он имеет прямо противоположный смысл - Чингизиды клялись передавать престол именно оставшимся потомкам Угедеем, даже если те были абсолютно некомпетентны и недееспособны [Thackston, 1998-1999, p. 39]. Формула приведенная Рашид ад-Дином абсолютно уместна и логична, в отличие от формулы, содержащейся в ТИМ. Поэтому большинство исследователей признают, что первоначальным вариантом был тот, который закреплял права Угедеемидов на трон, а не распространял их на всех Чингизидов. Вариант же содержащийся в ТИМ рассматривается

как поздняя интерполяция, совершенная в правление Менгу и обосновывающая права Тулуидов на власть [Rachewiltz, 2004, p. 935-937; Atwood, 2007, p. 11-12; Kim, 2005, p. 324-326].

Итак, определенная часть описания монголо-хорезмийской войны сознательно конструировалась автором или редактором ТИМ. Я не буду рассматривать здесь все анахронизмы данного сюжета, имеющие некое политическое значение, а остановлюсь лишь на тех, которые имеют прямые параллели в дальнейшем повествовании.

Судя по всему, автор или редактор сконструировали описание самого семейного совета, на котором якобы произошла ссора между Джучи и Чагатаем, а также объявление Угедея наследником, с возможностью передачи власти другой семье. К такому выводу подталкивают следующие наблюдения.

1. У Рашид ад-Дина перед вторжением в Хорезм Чингиз-ханом также созван был курултай, однако ни о каких решениях, связанных с престолонаследием, назначением наследников и ссорах между принцами он не упоминает [Thackston, 1998-1999, p. 241]. В тексте «Джами' ат-таварих» дается несколько иная последовательность событий, которая частично подтверждается другими источниками. Рашид ад-Дин четко относит тайное совещание Чингиз-хана с его сыновьями на котором Угедей был назначен наследником к 1226 году. Во время похода против тангутов Чингиз-хану приснился сон предвещающий смерть, и он созвал своих сыновей для последних наставлений и объявления наследника. При этом специально подчеркивается, что эмиры были к совету не допущены, Джучи к тому времени уже умер, а Чагатай не приехал, и Чингиз-хан переживал, предполагая его возможную непокорность семейному решению [Thackston, 1998-1999, p. 241]. Джувейни также относит семейный совет, на котором Угедей был объявлен наследником, ко времени завершения похода против тангутов [Juvaini, 1997, p. 178-183].

2) Рашид ад-Дин также упоминает о ссоре между сыновьями Чингиз-хана. Он относит ее ко времени осады Ургенча, то есть к зиме или весне 1221 года [Thackston, 1998-1999, p. 254]. Описание захвата Ургенча у Рашид ад-Дина очень подробно, но в то же время содержит определенные противоречия, содержащиеся в разных частях его работы, а также в разных ее списках. В повествовании о Чингиз-хане присутствует отдельный рассказ об «отправлении Чингиз-ханом своих сыновей Джочи, Чагатая и Угедея в Хорезм и о захвате его». Там сообщается, что после завоевания Мавераннахра, Чингиз-хан отправил к Ургенчу своего старшего сына Джучи вместе с Чагатаем и Угедеем. До подхода царевичей близ города происходили отдельные столкновения нападавших и защитников. Когда прибыли Джучи, Чагатай и Угедей, началась осада города. Туда было отправлено посольство с предложением о сдаче. Затем подошли подкрепления, и началась подготовка к штурму. В какой-то момент между Джучи и Чагатаем произошел конфликт, который привел к ослаблению боеспособности монгольских войск и к большим потерям. Из-за этого осада растянулась на семь месяцев. Когда Чингиз-хан осаждал Таликан, к нему пришло известие о том, что Ургенч не удастся взять из-за конфликта его сыновей. Он отправил в Хорезм Тулуя, который, прибыв туда, достаточно быстро навел порядок в войсках, и приступил к штурму города. Далее идет рассказ о взятии города, расправах над жителями и грабеже. Однако затем, в рассказе о погоне Чингиз-хана за султаном Джалал ад-Дином говорится о том, что когда он закончил захват Таликана, царевичи вернулись из Ургенча, а Тулуй из Хорасана [Thackston, 1998-1999, p. 253-256].

В тексте, на котором основан перевод О.И. Смирновой, это противоречие выражено еще более очевидно. В рассказе о завоевании Ургенча, человеком возглавившим командование штурмом после возникновения конфликта, назван Угедей. Но, в «Рассказе о выступлении Чингиз-хана из пределов Самарканда...» сообщается, что весной в то время, когда их отец осаждал Таликан, Джучи, Чагатай и Угедей занимались осадой Ургенча, которая была в самом разгаре. Тулуй в это время захватывал Мерв, всю

территорию до Нишапура, и сам город. В конце весны Чингиз-хан приказал Тулую возвращаться, что тот и сделал, по пути захватив Герат. К моменту возвращения Тулуя, Таликан был уже захвачен. Его осада продолжалась семь месяцев. Вскоре после этого к Чингиз-хану прибыли Чагатай и Угедей. Джучи же вернулся к своим обозам [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 217-219]. Согласно этому сообщению, в захвате Ургенча участвовали Джучи, Чагатай и Угедей, а Тулуй действовал самостоятельно на другом направлении. Таликан и Хорезм были захвачены примерно в одно время, следовательно, уход Джучи на север и возвращение Чагатая и Угедея к Чингиз-хану произошли в конце весны - начале лета 1221 года.

В «Повествовании о Джучи-хане» сообщается о том, что из-под Самарканда Чингиз-хан отправил его вместе с Чагатаем и Угеем для захвата Ургенча. Однако взятие города затягивалось из-за конфликта между Джучи и Чагатаем. Тогда Чингиз-хан назначил старшим Угедея, после чего Ургенч был захвачен. Чагатай и Угедей направились в Таликан к отцу, а Джучи направился к Иртышу, где находились его обозы и орды. Далее идет рассказ о том, что Чингиз-хан приказал Джучи захватить северные страны, такие как Келар, Башгирд, Урус, Черкес и Дешт-и-Кыпчак. После чего сообщается об уклонении Джучи от этой обязанности, его конфликте с отцом и смерти. В «Повествовании о Чагатае» Рашид ад-Дин, по сути, повторяет этот рассказ, при этом датируя возвращение Чагатая и Угедея к Чингиз-хану летом 619 г.х., то есть 1222 года [Рашид ад-Дин, 1960, с. 78-79, 94-95; Thackston, 1998-1999, p. 359, 374].

Исследователи уже неоднократно отмечали, что при внешней схожести описания осады и штурма Хорезма, источники кардинально расходятся в вопросе о том, кто из царевичей руководил осадой, и при каких обстоятельствах право на это руководство было получено. С точки зрения И. Тоган, эти противоречия объясняются тем, что подчинение Хорезма было очень важным событием для дальнейшего обоснования права на власть той или иной ветви внутри династии Чингизидов [Тоган, 2001, с. 168-172]. П. Джексона, считает, что основной причиной постоянно развивающегося конфликта внутри монгольской правящей династии, был вопрос о том, какая ветвь Чингизидов будет возглавлять присоединение западных территорий [Джексон, 2017, с. 52]. К. Этвуд поддержал эту точку зрения, заключив что этот конфликт этот велся, в том числе, и в рамках монгольской историографии. Родоначальником династии, заложившим основы ее легитимности, являлся Чингиз-хан, поэтому крайне важным был реальный или сконструированный факт того, кто из четырех сыновей был выбран отцом для покорения запада, и как он справился со своей задачей. Завоевание Хорезма было одним из ключевых этапов монгольского продвижения на запад. И статус каждого из участников во время похода определял обоснованность его претензий и претензий его потомков на власть после смерти основателя империи. Он выделяет «стандартное повествование» о жизни Джучи, сформированное монгольскими, китайскими и персидскими источниками. В нем роль старшего сына Чингиз-хана всячески принижалась и затушевывалась. «Стандартное повествование», окончательно сформировавшееся по результатам «тулуйдской революции» 1251 года, вступает в противоречие с данными, содержащимися, прежде всего, в биографиях отдельных персон этого периода.

Автор предлагает следующую реконструкцию. И Юань Ши⁵, и Рашид ад-Дин в сообщениях, касающихся раннего этапа карьеры Джучи, содержат информацию о том, что до определенного момента он считался официальным наследником Чингиз-хана. Это же подтверждают и самостоятельные действия Джучи в начале монголо-хорезмийской войны. Ранее и, видимо, не ангажированное сообщение ан-Насави подтверждает, что Джучи по приказу отца возглавлял осаду Ургенча и должен был получить его во владение.

⁵ Далее ЮШ

Конфликт с Чагатаем и неудачные действия во время штурма привели к потере им статуса наследника престола. Впоследствии возникли разные версии этих событий, так или иначе скомбинированные в разных источниках. Джувейни отрицает прямое участие Джучи во взятии города, тем самым ослабляя претензии Джучидов на власть. В тексте Рашид ад-Дина совмещаются сразу несколько версий, одна из которых обосновывает лидерство Угедея, а другая Тулуя [Atwood, 2017, p. 35-36, 50-54].

Действительно, в таком раннем и авторитетном источнике, как ан-Насави, говорится о том, что именно Джучи вел переговоры с элитой осажденного Ургенча в качестве лидера вторгшегося войска. Более того, старший сын Чингиз-хана первоначально не хотел разрушать город, так как он должен был стать частью его владений [Шихаб ад-дин ан-Насави, 1996, с.132-134]. Конечно, это сообщение не устраняет противоречие с текстом Рашид ад-Дина полностью, но частично подтверждает его. Сообщения Рашид ад-Дина о передвижениях Тулуя, не позволяют принять версию о его участии в штурме. Сейчас сложно сказать, действительно ли Джучи был единственным руководителем осады на первом ее этапе, или его полномочия с Чагатаем были поделены менее конкретно и однозначно, что и привело к конфликту. Для нас важно, что независимые от ТИМ источники подтверждают два ключевых момента. Во-первых, в разгар хорезмийской войны Угедей еще не был признанным лидером, скорее до определенного момента им считался Джучи. Во-вторых, кажется совершенно невероятным, чтобы опытный Чингиз-хан отправил братьев воевать вместе, после отвратительных оскорблений брошенных Чагатаем в лицо Джучи. Ход операции скорее говорит о том, что в ее начале отношения между ними не были конфликтными или, по крайней мере, неприязнь не переходила на уровень открытой вражды. На то, что конфликт, ключевыми темами которого были лидерство и происхождение Джучи, произошел во время, когда вместе находились три старших брата, а Тулуй отсутствовал, возможно, намекает Рашид ад-Дин. В главе, посвященной Джучи он пишет, что несмотря на постоянные ссоры между Джучи с одной стороны и Чагатаем и Угеем с другой, Тулуй никогда не оскорблял старшего брата, признавая его законность [Thackston, 1998-1999, p. 347-348].

3) Велика вероятность того, что как минимум два лица, согласно ТИМ являвшихся участниками семейного совета перед началом монголо-хорезмийской войны, вообще на тот момент не находились в Монголии. Во-первых, речь идет о Мухали. К. Этвуд справедливо отметил, что его нахождение в лагере Чингиз-хана в 1221 году в Центральной Азии было совершенно невозможно, так как все остальные источники, сообщают о том, что с 1217 года до своей смерти в 1223 году она находился в Северном Китае [Atwood, 2007, p. 10]. Согласившись с этим, отметим, что по той же причине его нахождение на семейном совете в Монголии перед началом вторжения в Хорезм так же вызывает вопросы. Согласно ЮШ начиная с 1217 года он вел активные боевые действия в Северном Китае. В августе-сентябре 1218 года он захватил города Тайюань и Пинъян вместе с округами Синьчжоу, Дайчжоу, Цзэчжоу, Лучжоу, Фэньчжоу и Хочжоу. Решение о походе на запад принималось в июле-августе 1219 года, а уже осенью того же года Мухали захватил округа Кэланьчжоу, Цзичжоу и Сичжоу, Цзянчжоу [Храпачевский, 2009, с. 155-156]. По всей видимости, оба эпизода участия Мухали в "хорезмийском сюжете" не соответствуют действительности.

Вторым человеком, который, скорее всего, не участвовал в ссоре, описанной в ТИМ, был сам Джучи. Подробно рассмотревший передвижения Джучи в это время П. Буэль заключил, что он в 1218-1219 годах продвигался на запад, и потом двинулся на юг и ударил по Дженду, вынудив хорезмшаха Мухаммада воевать на два фронта [Buell, 1992, p. 23-29]. Впервые И. Тоган отметила, что во время "отрарского инцидента" Джучи находился далеко на западе, и поэтому вряд ли мог участвовать в обсуждении вопроса о престолонаследии и ссоре с Чагатаем [Тоган, 2001, с. 171]. К. Этвуд пришел к выводу о

том, что столкновение войска во главе с Джучи с армией хорезмшаха Мухаммада на территории современно Западного Казахстана и убийство монгольских послов Отраре, ставшее официальной причиной войны, произошли практически одновременно и стали для монголов неожиданностью [Atwood, 2017, p. 47-49].

Конечно, и участие Мухали в боевых действиях в Северном Китае, и присутствие Джучи в Западном Казахстане не исключает возможности их вынужденного появления на семейном совете, но делает саму ситуацию крайне маловероятной. Тоже можно сказать и об уже упоминавшемся присутствии Мухали в ставке Чингиз-хана в 1221 году. В это время Яньцзине (Пекине) с ним общался южнокитайский посол Чжао Хун [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 55]. Интересно, что здесь в каком-то смысле повторяется рассмотренный выше сюжет. Мухали упоминается в ТИМ в контексте очередного внутрисемейного конфликта, не зафиксированного другими источниками. Согласно ТИМ, Джучи, Чагатай и Угедей, захватив Ургенч, разделили добычу между собой, не выделив причитающуюся долю отцу. Узнав об этом, Чингиз-хан три дня не допускал сыновей к себе. Только после заступничества приближенных, в числе которых был и Мухали, он встретился с Джучи, Чагатаем и Угедеем и сделал им строгий выговор [Rachewiltz, 2015, p. 181]. И здесь участие Джучи крайне сомнительно. Нельзя даже с уверенностью сказать виделся ли он с отцом после взятия Ургенча. Два основных источника по теме дают прямо противоположные сведения на этот счет. Джувеини сообщает, что Чингиз-хан провел зиму 1222-1223 года в окрестностях Самарканда, послав оттуда гонцов в Дешт-и-Кыпчак к Джучи с просьбой прибыть к нему. Весной он встретился с Угедеем и Чагатаем и провел курултай у реки «Фенакет», откуда двинулся дальше, пока в районе Кулан-баши их не нагнал Джучи. Он пригнал отцу тысячу серых лошадей и стада диких ослов. В другом месте автор сообщает, что Джучи умер после встречи с отцом, вернувшись из Кулан-баши [Juvaini, 1997, p. 139-140, 266].

Согласно Рашид ад-Дину, Чингиз-хан выдвинулся в 621 г.х. (1224 год). Причиной возвращения стало восстание тангутов. Дойдя до реки «Банакет», он созвал курултай, на котором присутствовали все сыновья, кроме Джучи. Чингиз-хан провел в пути весь 1224 год, и в начале 1225 года вернулся в Монголию [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 226, 229-230; Thackston, 1998-1999, p. 258, 260-261].

В «Повествовании о Джучи-хане» он сообщает о том, что после захвата Хорезма Джучи отправился на Иртыш, где находились его обозы, имея приказ от Чингиз-хана начать захват западных территорий, и в том числе Дешт-и-Кыпчака. После отказа Джучи начать поход вспыхнул его конфликт с отцом, который стал требовать его к себе. Джучи из-за болезни не смог приехать. После нескольких призывов Чингиз-хан решил пресечь неповиновение старшего сына, отправив против него Чагатая и Угедея с войском. Он собирался выступить и сам, но тут пришло известие о смерти Джучи от болезни [Thackston, 1998-1999, p. 359-360].

Близкую к ТИМ версию предлагает ЮШ согласно которой в когда Чингиз-хан находился в Парване (1221 год) Джучи, Чагатай и Угедей соединились с войском Баланойна [Храпачевский, 2009, с. 159]. То есть речь идет о том, что Джучи присоединился к отцу на какое-то более или менее продолжительное время. Это сообщение можно с уверенностью считать ошибочным, так как в той же ЮШ, в "Биографии Исмаила" прямо говорится о том, что в 1223 году Джучи находился где-то на севере, так как именно ему Джебе через Исмаила передал русского князя Мстислава (Мечжисыле) [Храпачевский, 2005, с. 522]. Таким образом, вне зависимости от того, прав ли Джувеини, утверждающий, что Джучи виделся с отцом во время его возвращения в Монголию, или верно сообщение Рашид ад-Дина, описанная в ТИМ сцена не могла произойти, по крайней мере при участии старшего сына Чингиз-хана.

Возвращаясь к рассмотренному сюжету можно, хотя и в самом общем виде, выделить конструктивные примы, которыми пользовался автор или редактор ТИМ создавая нужную ему сцену. Он взял имевшее место и видимо широко известное элите империи событие - ссору Джучи и Чагатая, возникшую из-за того, что один не хотел подчиняться другому в ходе осады Угенча. Нельзя с уверенностью сказать, были ли оскорбительные обвинения Чагатая в адрес Джучи произнесены именно тогда, или он объединил несколько имевших место конфликтов. Но, кажется вполне допустимым, что именно в контексте выяснения вопроса о старшинстве при захвате Хорезма Чагатай высказал брату то, о чем не принято было говорить в слух. Это событие автор или редактор текста поместил в нужный ему хронологический и политический конспект - на семейный совет, на котором наследником был назван Угедей и который в реальности произошел после монголо-хорезмийской войны, когда Джучи уже не было в живых. Таким образом, создавалась композиция, дискредитировавшая всех сыновей Чингиз-хана кроме Тулуя. Хронологический перенос события был важен, так как тогда ссора предвещала наступление монголов на запад и становилась фактом, влияющим не только на решение вопроса о престолонаследии, но и на основания для властных притязаний на владения на западе.

Эти достаточно общие соображения, могут быть хотя бы частично подтверждены тем, что аналогичный набор конструктивных приемов с той же целью автор или редактор текста применяет еще раз:

1. Во время великого западного похода Бату присылает каану Угедею письмо, в котором содержится жалоба на поведение его сына Гуюка, сына Чагатая Бури⁶ и сына Элджигидея Харкасуна. В послании сообщалось, что, когда была покорена Русь и еще одиннадцать народов, а также захвачен город "Мегет", монголы решили повернуть назад. Перед возвращением был устроен пир и установлен большой шатер. Как старший среди принцев Бату первым выпил чашу. Это оскорбило Гуюка, Бури и Харкасуна которые покинули пир, при это публично оскорбив Бату. Общий смысл их достаточно грязных выпадов сводился к указанию на женоподобность Бату и его окружения, и то что Бату не имеет право на заявленное старшинство (275).

2. Узнав о произошедшем Угедей был разгневан и обещал сослать своего сына Гуюка за неповиновение старшему, Бури отправить на суд к его отцу Чагатаю, а Харкасуна сослать или казнить (276).

3. Но за Гуюка, Бури и Харкасуна вступился принц Менгу и эмиры, указав на то, что военные дела должны разрешаться действующим командующим армией, то есть Бату. Угедей согласился, однако еще раз отчитал Гуюка, указав на излишнюю жестокость к подчиненным воинам во время похода и на отсутствие его заслуг в деле завоевания русских и кыпчаков. Он отправил Гуюка и Харкасуна на суд к Батю, а Бури передал Чагатаю (277) [Rachewiltz, 2015, p. 194-197].

То, что этот сюжет, как и содержание параграфов 254-255, является более поздней вставкой в текст ТИМ, произведенной после смерти Угедея с целью дискредитации его потомков предположил Л. Лигетти. Эту точку зрения поддержал И. де Рахевильц [Rachewiltz, 2004, p. 1014]. Хорошо известен факт того, что Гуюк просто не мог вернуться с войны для встречи с отцом, а затем отправится обратно на запад [Yü Da-Djün, 1986-1987, p. 297-300; Atwood, 2007, p. 13-14]. Три независимых друг от друга источника выстраивают события в совершенно иной ряд. Во-первых, Джувейни сообщает, что Гуюк узнал о смерти отца находясь в пути в Монголию. Только достигнув реки Эмил на которой находилась его орда наследник престола узнал о мятеже Темуге-Отчигина. То есть, известие о смерти отца он получил еще раньше [Juvaini, 1997, p. 248]. Во-вторых,

⁶ О противоречиях в источниках по поводу степени родства Бури и Чагатай [Джексон, 2017, с. 56].

согласно ЮШ, Угедей приказал Гуюку возвращаться вместе с войскам только в начале 1241 года [Храпачевский, 2009, с. 176]. В-третьих, имя Гуюка фигурирует в списке лидеров монгольского войска, осаждавшего Киев конце 1240 года. Список этот, согласно Ипатьевской летописи, русские получили от попавшего в плен монгола Товрула [Ипатьевская летопись, 1908, с. 536-537]. Учитывая, что каан Угедей умер 11 декабря 1241 года, данные всех приведенных выше источников хорошо подкрепляют друг друга. В декабре 1240 года Гуюк находился под стенами Киева. Примерно в тоже время его отец Угедей издал указ о его возвращении. Учитывая время, за которое приказ должен был доставлен Гуюку через недавно покоренные территории, то что он узнал о смерти отца находясь в пути идеально укладывается в эту схему.

Много внимания этому сюжету ТИМ уделил Ким Ходонг. Признавая невозможность возвращения Гуюка с фронта к отцу и возвращения обратно после унижительного выговора, он указывает на то, что факт какого-то инцидента между руководителями похода подтверждается и другими источниками. По мнению исследователя, какой-то конфликт между Бату и Гуюком действительно имел место. Предположительно он произошел летом 1241 года после победы над венграми, на что намекает сообщение ЮШ о трениях между Бату и Субедеем на произошедшем в это время пиру. Причиной конфликта автор считает некомпетентность Бату в военных вопросах, которая привела к многочисленным ошибкам в командовании войсками [Kim, 2005, p. 314-320].

Но, если применить к этой ситуации выделенные конструктивные приемы, которые ранее использовал автор и редактор текста, можно реконструировать происхождение этого сюжета более точно и уверенно. Исследователями уже отмечалось, что до нас дошли два других упоминания об этом конфликте. В обоих речь идет об эпохе Менгу, когда Джучиды и Тулуиды, победив своих конкурентов, начали расправляться с проигравшими. Ранее исследователями уже отмечалось, что Бури и Харкасун были казнены в 1251 году по настоянию Бату, что подтверждает тенденциозный характер всего сюжета [Yü Da-Djün, 1986-1987, p. 300; Atwood, 2007, p. 13-14].

Что известно о произошедшем из других источников? Гильом де Рубрук, проезжавший в 1254 году по бывшим владениям Бури, сообщал, что у него были очень плохие пастбища. Однажды, находясь в опьянении, Бури стал публично возмущаться тем, что он как потомок Чингиз-хана также, как и Бату имеет право кочевать на Волге и иметь там пастбища. Узнав об этом, Бату приказал людям Бури привезти их господина к нему. Бату спросил, произносил ли Бури подобные слова. Тот признал вину, оправдываясь тем, что был пьян, но несмотря на это был казнен [Jackson, Morgan, 199, p. 144-145].

Рашид ад-Дин так же упоминает об этом конфликте в контексте казни Бури. По его словам, в эпоху правления Менгу Бури находясь в опьянении стал оскорблять Бату, который узнав об этом, потребовал его к себе. По приказу Менгу Бури был доставлен к Бату и казнен [Thackston, 1998-1999, p. 368-369].

Рашид ад-Дин относит нанесение оскорблений к эпохе правления Менгу и это очевидная ошибка, так как Бури был казнен сразу после прихода нового каана к власти. Здесь цепочка событий сильно сжата, но указание на то, что оскорбления наносились из-за какой-то обиды, говорит о том, что автор слышал о его предыстории. На основе этих сообщений можно сделать три вывода, важных для нашей темы. Во-первых, оба автора говорят о том, что оскорбления наносились Бури в опьянении, что подкрепляет версию ТИМ о пире. Во-вторых, оба автора подчеркивают, что Бату там не присутствовал. Оскорбления, в отличие от версии ТИМ, не были прощены Бури ему в лицо. Бату узнал о факте их нанесения, и в варианте Рубрука даже допрашивал Бури, требуя подтверждения обвинения. В-третьих, авторитет версии ТИМ полностью затмил иную причину

конфликта, названную Рубруком. А ведь она куда более логична и хорошо вписывается сложившуюся на момент завершения великого западного похода ситуацию. Бури был недоволен не самим фактом старшинства Бату, а тем что захваченные территории переходят под власть Джучидов.

Сложно сказать, когда конкретно произошел конфликт между Бату и Бури. Проблема эта осложняется тем, что в источниках помимо ТИМ нет прямых указаний на участие в нем Гуюка или Харкасуна. Джувейни и Рашид ад-Дин сообщают о казни последнего вне какой-то связи с казнью Бури и ничего не говорят об оскорблениях [Juvaini, 1997, p. 587; Thackston, 1998-1999, p. 407]. Так же обстоит дело и с Гуюком. Можно с уверенностью говорить о факте вражды между Бату с одной стороны и Гуюком или Харкасуном с другой, но соотнести эту вражду с пьяными оскорблениями Бури нельзя. То есть нельзя сказать действительно ли Гуюк и Харкасун присутствовали в момент их произнесения, как это описано в ТИМ, или же последние были искусственно включены в инцидент, в котором в реальности участвовал только Бури.

Можно лишь делать осторожные предположения на этот счет. Гипотеза Х. Кима вполне допустима, но она содержит в себе определенное противоречие. Если автор текста или поздней интерполяции в него действительно основывал сюжет на реальных событиях, лишь дополняя его нужными деталями, то почему, с его точки зрения, западный поход завершался захватом Руси и города "Мегет"? Почему ничего не сообщается о вторжении в Венгрию и Польшу, хотя имеемо в ходе него, согласно исследователю, и произошел инцидент? К тому же, участие Гуюка в боевых действиях, происходивших после взятия Киева, не подтверждаются ни одним известным источником. На самом деле, единственной причиной датировки ссоры между Бату и Гуюком летом 1241 года является то, что только в этот период можно обнаружить упоминание о пире, на котором присутствовало все руководство монгольской армии. Но, ситуация со ссорой Джучи и Чагатая и упоминания Рубрука и Рашид ад-Дина, позволяют предположить, что автор или редактор текста вполне мог встроить ссору Бату и Бури в контекст некоего внутрисемейного, а точнее элитного мероприятия, в данном случае, прощального пира.

Сами события, описанные в ТИМ достаточно, четко датируются зимой 1239-1240 годов. В. Минорский доказал, что речь идет о городе Магас – столице кавказских алан [Minorsky, 1952, p. 232-238]. После разгрома Владимиро-Суздальской Руси монголы сосредоточились на южном направлении, стремясь покорить народы способные оказать сопротивление у них в тылу, а также добить уцелевших кыпчаков, бежавших в Крым или на Кавказ. В этом направлении происходят сразу несколько военных операций. Т. Оллсен предполагал их скоординированность [Allsen, 1987-1991, p. 18].

Вот как события описывает Рашид ад-Дин: зимой 1238-1239 годов Менгу и Кадан захватили черкесов. Шибан, Бучек и Бури разгромили кыпчаков в Крыму. Берке разбил кыпчаков «беркути». В 1239 году Гуюк, Менгу, Бури и Кадан осадили столицу аланов Магас и взяли его через полтора месяца. Весной они послали войско во главе с Букадаем к Дербенту, а осенью 1240 года Менгу и Гуюк двинулись назад по приказу Угедея, и в 1241 году были уже в своих ордах [Thackston, 1998-1999, p. 327-328]. Также, зимой 1239-1240 года взятие Магаса датирует ЮШ [Храпачевский, 2009, с. 175]. Единственное серьезное отклонение в хронологии у Рашид ад-Дина - это дата получения Менгу и Гуюком приказа о возвращении. Как уже указывалось выше в декабре 1240 года Гуюк и Менгу участвовали в осаде Киева, а приказ о возвращении Гуюка был издан Угедеем только в начале 1241 года, и соответственно мог достигнуть адресата в лучшем случае весной.

Однако если жалоба Бату по результатам инцидента действительно имела место, то необходимо учитывать время ее следования от Бату к Угедею. Конечно, все расчеты тут предельно условны, но если письмо Бату действительно стало причиной или одной из

причин отзыва Гуюка, то оно должно было быть отправлено летом или осенью 1240 года. То есть оскорбления, если только Гуюк был к ним причастен, должны были быть произнесены в первой половине 1240 года, действительно сразу или через какое-то время после взятия Магаса. Интересно то, что если операция против кыпчаков была совместной чингизидской операцией: в Крыму действовали Шибан, Бучек и Бури, и видимо где-то неподалеку с кыпчаками воевал Берке, то в конце 1239 году Бучек оказывается под стенами Магаса, где он и встречается с Гуюком. Был ли его переход запланирован заранее, стали ли результатом изменения тактической обстановки или имела место ссора с Джучидами, неизвестно. Но, вряд ли случайно, что именно под Магасаом встретились два участника сцены, описанной в ТИМ. Возможно, что Бури произнес свои пьяные оскорбления именно там.

Выводы. В заключении хочется отметить, что автор или редактор ТИМ сконструировал два сюжета по одному шаблону. Он взял два известных среди элиты империи конфликта, между Джучи и его сыном и наследником с одной стороны, и Чагатаем и его сыном, а также сыном и наследником Угедея Гуюком с другой. Во-первых, он поместил их в соответствующий социальный контекст - семейный совет по назначению наследника и праздничный пир в честь завершения великого западного похода. Во-вторых, он разместил их в соответствующем хронологическом и политическом контексте - решение вопроса о престолонаследии, происходящее в то же время начало покорения запада и завершение западного похода, за которым отчетливо вырисовывалась перспектива дележа территорий и добычи. Завоевание западных территорий и дальнейшие права на них действительно являлись для него важным вопросом. Крайне интересным в этом плане является замечание И. де Рахевильца о том, что список стран и народов, покоренных Субеем во время его знаменитого рейда, в ТИМ спутан со списком стран и народов, коренных в ходе великого западного похода [Rachewiltz, 2004, p. 958-959]. В-третьих, оба сконструированных сюжета сопровождаются максимально грязными и абсолютно не завуалированными оскорблениями представителей правящего рода, не характерными для восточной исторической литературы. Конечно, мотивы и цели автора или редактора текста можно предполагать лишь предельно условно. Судя по всему, он пытался показать атмосферу жесткой, грубой и плохо сдерживаемой вражды между сыновьями и внуками Чингиз-хана, и всячески дискредитировал их перед читателем, при этом соблюдая видимость честного повествования о семейных делах. При этом Тулуй и его потомки в обоих случаях деликатно обходятся стороной. А ведь по крайней Менгу находился у стен Магаса, в то время, когда туда прибыл Бури. Совершенно неясно почему именно Менгу был отозван с фронта вместе с Гуюком. При этом ТИМ подтверждает версию Рашид ад-Дина о том, что Менгу был отозван в Монголию вместе с Гуюком. Ведь именно он вместе с эмирами вступает за провинившегося принца перед его отцом и убеждает Угедея передать дело на суд Бату. Надо заметить, что в каком-то смысле так и произошло, и, по крайней мере, Бури на суд к Бату был действительно отправлен причем именно Мену. Причем автор помещал "взрывы между Чингидами" в политически важный хронологический конспект: начало продвижения монголов на запад и конец западного похода. Надо заметить, что и за конфликтом между Чингиз-ханом и его сыновьями из-за неправильного дележа добычи, также следуют анахронизмы выгодные Тулуидам и ущемляющие права и интересы Джучидов. Можно предположить, что и другие сюжеты ТИМ о Джучи и о других представителях монгольской элиты подверглись той же обработке, следы которой можно выделить в историческом и литературном плане.

ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"

A.A. Porsin

Magnitogorsk, Russian Federation

Abstract. The article deals with two stories contained in "The Secret history of the Mongols", concerning Jochi and his son and the heir Batu. First, the family Council before the beginning of the Mongol-Khorezm war is depicted, at which there was a conflict between Jochi and Chagatai, after which Ogedei was declared the heir of Genghis Khan. Secondly, the story is about a quarrel between Batu on the one hand, and Guyuk, Buri and Harkasun on the other, which arose at a Banquet after the capture of Russia, the Kipchaks and the capital of the Caucasian Alans Magas, after which Guyuk was sent to Ogedei and received a humiliating reprimand from his father. The author of the article comes to the conclusion that both stories were constructed by the author or editor of the source with certain political motives, and a similar technique was used. He took a conflict that had actually occurred and was known among the Mongol elite, and placed it in the right social, political, and chronological context, thus demonstrating the inability of any of the genghis branches, except the Tuluids, to effectively manage the Empire.

Keywords: secret history of the Mongols, Jochi, Batu, Chagatai, Buri, Guyuk, conflict.

REFERENCES

1. Allsen T. Mongols and North Caucasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1987-1991. P. 5–40. [in English].
2. Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered. // *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007. No. 37. pp. 1–48. [in English].
- ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS" Mongolia Matters: War, Law, and Society. Leiden. Brill. 2017. pp. 35-56. [in English].
4. Buell P. Early Mongol Expansion in Western Siberia and Turkestan (1207-1219): A Reconstruction // *Central Asiatic Journal*. No. 36. 1992. pp. 1-32. [in English].
5. Grousset R. État actuel des études sur l'histoire genghiskhanide // *Bulletin of the International Committee of Historical Sciences*. 12. 1941. pp. 22-40. [in English].
6. Henthorn W.E. Korea: The Mongol Invasions. Leiden. E.J. Brill. 1963. 252 p. [in English].
7. Hung W. The Transmission of the Book Known as The Secret History of the Mongols // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 14. 3/4. 1951. pp. 433–492. [in English].
8. Jackson P. Raspad Mongol'skoj imperii [The Collapse of the Mongol Empire] *Zolotoordynskaya civilizaciya - Golden Horde civilization*. 2017. 10. pp. 50-83 [in Russian].
9. Jackson P., Morgan D.O. The mission of Friar William of Rubruck: his journey to the court of the Great Khan Möngke, 1253-1255 / translated by Peter Jackson; introduction, notes and appendices by Peter Jackson with David Morgan. London. Hakluyt Society. 1990. 312 p. [in English].
10. Juvaini Ata-Malik. The History of the World Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. Manchester, 1997. 763 p. [in English].
11. Kim Hodong A Reappraisal of Güyüg Khan // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Edited by Reuven Amitai and Michal Biran. Brill. Leiden. 2005. P. 309–338. [in English].

12. Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Hidden legend. Mongol chronicle 1240]. Vol. 1. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 611p. [in Russian].
13. Ledyard G. The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of The Secret History of the Mongols // *Central Asiatic Journal*. 9. 1964. pp. 1–22. [in English].
14. Meng-da Bay-Lu (Full description of the Mongol-Tatars). TRANS. with kit., no., comment. and ADJ. N. C. Moncheva. Moscow: Nauka. 1975. 285 p.
15. Minorsky V. Caucasica III: The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London*. Vol. 14, No. 2. 1952. pp. 221–238. [in English].
16. Okada H. The Secret History of the Mongols, a Pseudo-Historical Novel // *Ajia Afurika gengo bunka kenkyū* 5. 1972. pp. 61–67.
17. Okada H. The Chinggis Khan Shrine and the Secret History of the Mongols // In *Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers*, ed. Klaus Sagaster and Helmut Einer. Weisbaden: Otto Harrassowitz. 1989. pp. 284–292. [in English].
18. Pelliot P. Deux lacunes dans le texte mongol actuel de L'Histoire secrète des Mongols // *Mélanges asiatiques*. 1940–41 pp. 1–18.
19. De Rachewiltz I. Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols // *Monumenta Serica*. 24. 1965. pp. 185–206. [in English].
20. De Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. 2 vols. Leiden: Brill, 2004. 1347 p. [in English].
21. De Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. The Australian National University, 2015. 268 p. [in English].
22. Ratchnevsky P. Šigi Qutuqu // In *the Service of the Khan*, ed. Igor de Rachewiltz, Hok-lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, and Peter W. Geier. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1993. pp. 75–94. [in English].
23. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]. Vol. 1. kN. 2. M. L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1957(2). 281 p. [in Russian].
24. Rashid ad-A.A. Porsin
demi publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 214 p. [in Russian].
25. Thackston W. (trans.). Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles. Cambridge, Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. 819 p. [in English].
26. Togan I. Dzhuchi han i znachenie osady Horezma kak simvol zakonnosti [Jochi Khan and the meaning of the siege of Khorezm as symbols of legality] source *Studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde): from Kalki to Astrakhan: 1223–1556*. Kazan. 2001. pp. 146–187. [in Russian].
27. Shihab ad-Din an-Nasawi. Sirat as-Sultan Jalal ad-DIN Mankburny (life Of Sultan Jalal ad-Din Mankburny). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 798 p. [in Russian].
28. Khrapachevskiy R. P. Military power of Genghis Khan. Moscow, 2005. 557 pp. [in Russian].
29. Khrapachevskiy R. P. Golden Horde in the sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. M:ZIVOI. 2009. 336 p. [in Russian].
30. Yü Da-djün On the Dating of the Secret History of the Mongols // *Monumenta Serica*. 37. trans. Wilhelm K. Mueller. 1986–1987. pp. 277–303.

Information about the authors:

Artem A. Porsin, Candidate of Historical Sciences, Magnitogorsk, Russian Federation,
porsinart@gmail.com